Право. Журнал Высшей школы экономики,
2010, №4, P. 3-22
Published: Dec. 1, 2010

Право и экономика: вопросы соотношения

Алпатов А. А.

Доцент кафедры права Всероссийского заочного финансово-экономического института, кандидат юридических наук

Abstract

В настоящей статье анализируются представления о соотношении права и экономики. Для более глубокого исследования данной проблемы предпринята попытка рассмотреть ее с трех позиций (исторической, экономической, правовой), максимально используется арсенал методологических подходов (антропологический, феноменологический и синергетический). Представляется, что предложенная автором версия концепции соотношения экономики и права поможет сделать реформу правовой и экономической систем более гармоничной и эффективной, а также создать базовые условия для высокотехнологичного развития народного хозяйства.

Keywords: право, экономика, труд, рыночная экономика, обмен, общее равновесие, плановая экономика, собственность, соотношение

На современном этапе в связи с трудностями по формированию отечественной рыночной экономики актуальность исследования вопросов ее соотношения с правом существенно возросла. Наряду с этим последние события, вызванные экономической рецессией, охватившей многие страны мира, требуют переосмысления проблем функционирования не только экономической системы современной России. Думается, что поиск решений оптимального и адекватного преодоления рыночных провалов следует вести различными методами. Представляется, что исследование соотношения права и экономики в трех измерениях (историческом, экономическом и юридическом), параллельно с антропологической, феноменологической и синергетической методологической поддержкой, поможет выработать наиболее достоверные суждения и выводы по предмету исследования.

Исторический подход дает возможность увидеть наиболее существенное — магистральный путь развития — в многообразии соотношений экономики и права, а также его ключевые факторы и категории общественного развития. В истории человечества в результате перехода от присваивающего хозяйства к производящей экономике поистине свершилась революция, которая перевернула образ жизнедеятельности человека и вывела на следующий качественный виток общественного развития. В новых условиях хозяйствования именно трудовая деятельность становится основой человеческого существования. Разделение труда и специализация, с одной стороны, повышают производительность факторов, а с другой — связывают всех членов общества необходимостью обмена продуктами труда. Именно труд приобретает черты определяющего элемента хозяйственного уклада жизни, творца условий существования. В то же время активная и целенаправленная хозяйственная деятельность невозможна без принадлежности (присвоенности) продуктов труда конкретным лицам, поэтому непременным ее условием является собственность. В историческом контексте вместе с качественным изменением самого человека и его общественного статуса идет очень сложный процесс оформления отношений собственности. Только по прошествии многих веков, после многочисленных социальных потрясений доступ к собственности станет формально равным.

Возвращаясь назад в то далекое прошлое, когда человечество только начинало жить в формате государственных образований, можно увидеть, что для закрепления и охраны складывающегося

порядка производства, распределения и присвоения общественного продукта вырабатываются первые источники писаного права. В то же время характер распределения материальных благ в обществе всегда являлся камнем преткновения, и, как можно обнаружить в истории, недовольство им становилось главной причиной социальных конфликтов. Причем, поскольку создание и прикрепление материальных благ невозможны без трудовых усилий и права собственности, то в производящей экономике ведущая роль отводится именно этим двум факторам (категориям) общественных отношений.

Труд и собственность имеют одновременно экономическое и юридическое значение и разворачиваются во всем своем величии только в рамках товарно-денежного оборота, т.е. в условиях обмена продуктами труда между их собственниками. Не случайно выбор пал на обменный характер общественных отношений, ведь в их основе лежит принцип эквивалентности взаимодействий и равенства товаропроизводителей. Благодаря меновой сделке субъект проявляется во всей полноте своих определений. Человек превращается в юридический субъект в силу той же необходимости, в силу которой натуральный продукт превращается в товар с его загадочным свойством стоимости[1].

Поистине реальное воплощение получает известная формула древнегреческого философа, что человек есть мера всех вещей. Однако этот принцип не может быть обусловлен только товарно-денежными отношениями, его корни уходят значительно глубже. Свои первые очертания он приобретает в древнейшем кровном обычае в форме талиона (око за око, зуб за зуб). Да и телесные наказания, лишение жизни, штрафы, исходящие от имени государства, имеют общий корень с талионом — возмездие, равное совершенному деянию, поскольку карательная санкция формирующихся государственных институтов — это своего рода эквивалент, по значимости равный нарушению интересов пострадавшей стороны.

В Средние века наиболее отчетливо выделяется новая тенденция, выражающаяся в экономико-юридическом оформлении самостоятельного товаропроизводителя и рыночного пространства. Процесс возникновения патримониальных городов с развитым товарно-денежным обменом идет параллельно с образованием городского права, закрепляющего свободу производителя и единое экономическое

1. См.: Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 61,109.

пространство (Ломбардский сборник XII в., Великие кутюмы Нормандии XIII в., Кутюмы Бовези XIII в., Саксонское зерцало, Швабское зерцало и др.).

Большую роль в развитии товарного оборота сыграло использование готовых юридических формул римского права. Их рецепция в Средние века была обусловлена не только отточенностью римской юридической техники, но в первую очередь необходимостью утверждения базовых начал гражданского экономического оборота — равенство обезличенных сторон, свобода договора, автономия, индивидуализация имущественной ответственности, неприкосновенность частной собственности. Распространение этих рыночных принципов на каждого индивидуума независимо от социального происхождения и благосостояния было подготовлено возрождением идей естественно-правовой доктрины и их закреплением в документах периода буржуазных революций, наиболее ярким среди которых стала французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г.

Для создания условий свободного движения (обмена) товаров и услуг в рамках отдельных государств идет сложный процесс формирования единого рыночного экономического пространства. Одной из ведущих причин этой тенденции является разделение труда, а базовым принципом его утверждения — эквивалентность (сбалансированность) социальных взаимодействий как объективная закономерность реальности. Предназначение права заключается в том, чтобы обеспечить эквивалентность рыночного обмена, а с помощью института права собственности — защиту принадлежности продуктов экономической деятельности их производителям. Значит, в границах национальных территорий (на макроуровне) постепенно вызревают такие атрибуты соотношения экономики и права, как рыночное пространство, свободный обмен, формальное равенство экономических агентов, конкуренция. В конкретном хозяйстве (на микроуровне) главными движущими силами развития становятся труд и собственность.

Вместе с трансформацией этих двух ключевых категорий соотношения видоизменяется экономический и правовой статус личности. Неравные с момента зарождения государства статусы лиц (индивидуумов) прогрессируют к постепенному формальному выравниванию. Поэтому в разрезе определенного исторического этапа, как справедливо замечает Л.Д. Воеводин, именно экономический и правовой статусы,

взаимообусловленные степенью развития труда и собственности, характеризуют место человека в обществе и государстве[2]. В самом соотношении анализируемых категорий протекает сложный противоречивый процесс, однако с переменным успехом прокладывает дорогу представление, что только «труд дает подлинное первоначальное право на частную собственность»[3] и является действительным источником богатства народов.

Тем не менее время показало, что капиталистический рынок не настолько идеален, как предполагалось. Он имеет свои провалы и пороки. Особенно болезненные и разрушительные последствия связаны с кризисами перепроизводства, которые периодически сотрясали капиталистические страны. В начале XX в. в Советской России были реализованы идеи построения социалистического общества, базирующегося на плановой экономике. В дальнейшем они получили распространение в странах социалистического лагеря. Однако конкретно-историческое сосуществование административно-командной модели экономики как альтернативы рыночной системе хозяйствования отчетливо показало, что для социального организма вредно игнорировать принципы рыночных отношений и частной собственности. В конце прошлого века многие отечественные и зарубежные правоведы и экономисты в своих работах попытались дать обобщенную характеристику основных моментов соотношения права и экономики в советской системе[4].

Социалистическая административно-командная экономика строится на полном огосударствлении собственности и средств производства, строгой регламентации государственным аппаратом экономических отношений отдельных физических лиц и организаций. Официально эксплуатация человека человеком ликвидирована, но реальная социалистическая практика привела к установлению эксплуатации человека государством. Чрезмерная централизация управления экономикой и сосредоточение в руках разбухшего бюрократического государственного аппарата огромной власти сделало чиновников фактическими собственниками всех средств и ресурсов производства. Сквозное государственное планирование производства и распределения в форме закона исключало

2. См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 204.
3. Фабрициус Ф. Права человека и европейская политика. М., 1995. С. 37—38.
4. См., напр.: Гайдар Е. Экономические реформы и иерархические структуры. М., 1990; Корнаш Я. Дефицит. М., 1990; Кудрое В.М. Советская модель экономики: тяжелое наследство // Общественные науки и современность. 1999. № 3.

экономическую свободу граждан и отдельных хозяйств. Искоренение самостоятельности, отсутствие стимулов к хозяйственной деятельности и размывание ответственности за экономические результаты влекло за собой производство товаров, не пользующихся спросом, замораживание капитальных вложений и нежелание внедрять новые технологии. Социальная защищенность граждан создавала лишь видимость всеобщего благополучия, равенства и справедливости, но в действительности прибавочный продукт перераспределялся в пользу чиновников.

В условиях командно-административного управления право игнорировало объективные экономические законы, чрезмерно вмешивалось в хозяйственную деятельность, что привело к нарушению экономического равновесия. Исторический опыт показывает, что вместо сбалансирования прав экономических агентов и охраны эквивалентности, совершающихся между ними взаимодействий, правовая политика социалистического государства путем запрета рыночных отношений и частной собственности деформировала экономическую систему. В итоге общественное развитие угрожающе замедлилось.

В то же время сопоставление практики социалистических и капиталистических экономических систем с очевидностью демонстрирует, что существует своеобразный порочный круг. С одной стороны, рынок сталкивается с кризисами, с другой — в случае полного пренебрежения рыночными законами возникают еще более тяжкие социальные последствия. Все же на современном этапе в развитых странах экономические отношения базируются на рынке, который по своей природе в большей степени отвечает наиболее совершенной и естественной организации общества. В рыночной модели экономики государственное регулирование сферы производства и распределения товаров и услуг сведено до минимума. Это обеспечивает простор личной инициативы и развивает в гражданах творческое отношение к созидательной деятельности, а заинтересованность в ее результатах позволяет повысить ответственность индивидуума за свои решения. Автономия производителей от государства и личная ответственность за результаты заставляет их работать с полной отдачей сил, на свой страх и риск.

Рыночная конкуренция активизирует хозяйственную деятельность внутренним образом, избегая внешнего принуждения со стороны государства. В то же время, когда

каждый экономический агент прикладывает максимум усилий, чтобы обеспечить собственный достаток, то и общество в целом становится богаче. Такой подход позволяет избежать государственного принуждения, избыточной концентрации ресурсов и власти в бюрократическом аппарате, что таит в себе серьезную опасность для общественного прогресса. Итак, специфику соотношения свободной рыночной экономики с правом можно представить в следующей формуле: право фокусируется только на охране отношений, складывающихся между хозяйствующими субъектами, без вмешательства в их внутренние дела, за исключением некоторых запретов, налагаемых на злоупотребление правом, монополизацию и нарушение прав других участников экономической деятельности.

Вместе с тем, несмотря на успехи рыночных государств, им не удалось полностью решить все проблемы и настроить свои экономические системы на устойчивое равновесное развитие, о чем напоминают периодически вспыхивающие экономические кризисы. В связи с этим необходимо затронуть такой весьма противоречивый, но довольно распространенный в литературе термин, как смешанная экономика[5]. Данный термин не отражает действительного положения дел, кстати, С.Н. Ревина в своей докторской диссертации делает аналогичный вывод[6].

С нашей точки зрения, в разных странах и регионах складываются не различные модели смешанной экономики, отличающиеся друг от друга своими «национальными коэффициентами смешения», а способы сглаживания изъянов несбалансированной рыночной экономики. В качестве примера можно привести современные социальные системы Швеции, Японии, США. Так, основой шведской системы является социальная политика, ее успешное проведение обусловлено высоким уровнем налогообложения (более 50% валового национального продукта). Своеобразие Японии — это прежде всего планирование и координация деятельности правительства и частного сектора, при этом планирование носит исключительно рекомендательный характер. Американская модель социальной системы дает пример такого соотношения

5. См., напр.: Орехова Т.Р. Соотношение права и экономики (Общетеоретические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Кульков В.М. Смешанная экономика (теоретико-методологические аспекты) // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1996. № 5.

6. См.: Ревина С.Н. Теоретические проблемы правового регулирования рыночных отношений в современной России: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 11.

права и экономики, при котором правовое регулирование экономических отношений осуществляется лишь в крайне необходимых случаях — утверждение правил экономической игры, регулирование бизнеса, образования. Германская модель — это модель социального рыночного хозяйства, которая расширение конкурентных начал увязывает с созданием особой социальной инфраструктуры, смягчающей недостатки рынка и капитала, с формированием многослойной институциональной структуры субъектов социальной политики.

Думается, что государства, неоднократно испытав последствия кризисных явлений и опасаясь рецессии, вынуждены с помощью средств государственного вмешательства корректировать дисбаланс экономической системы. При этом методы государственного регулирования в разных странах имеют свои особенности. Но к сожалению, существующие меры не в состоянии разрешить проблему в корне, поскольку даже наиболее развитые экономики мира не сбалансированы в основном звене — корпорациях. Если на макроуровне современные государства наработали эффективный арсенал мер для поддержания равновесия обменных отношений и добросовестной конкуренции, то на микроуровне в соотношении труда и собственности проблема эквивалентных отношений пока еще остается не решенной. Поэтому, на наш взгляд, только меры, способствующие обеспечению баланса между затраченными трудовыми усилиями и правом собственности на их результат, и их надежная общественная и государственная охрана позволят поддерживать равновесие всей экономической системы.

С утверждением такой конфигурации экономических отношений характер распределения произведенных благ будет выглядеть в глазах общества справедливым. Это даст дополнительный импульс для минимизации роли государства, что, безусловно, позитивно отразится на экономическом росте и эффективности народного хозяйства. В то же время при условии, когда система прав собственности признается обществом как оптимальная, частные усилия каждого индивида и общества в целом будут направлены на обеспечение надлежащего соблюдения прав человека и их охраны. Пожалуй, нет более надежного гаранта стабильности общественных отношений и более мощного стимула для прогресса, чем всеобщая поддержка экономической политики всеми гражданами общества.

Изучая проблему соотношения права и экономики в экономическом плане, можно увидеть, что попытки осмыслить их взаимосвязи были предприняты еще Адамом Смитом, который рассматривал право как механизм, способствующий общественному благу. Над этим вопросом задумывались Д. Юм, Т. Гоббс, И. Бентам, представители исторической школы (В. Зомбарт, Г. Шмоллер, М. Вебер), основатели американского институционализма (Т. Веблен, Дж. Коммонс)[7], марксисты и многие другие ученые мужи.

По нашему мнению, с большой долей условности и в самом общем плане всех исследователей экономических вопросов можно разделить на два лагеря: рыночников и антирыночников. Было бы идеально, если бы в среде рыночников сформировалось полное единство взглядов, но в действительности здесь можно увидеть огромное количество течений и школ. Однако целесообразно несколько упростить схему и в самом грубом приближении выделить две ветви, идущие от одного корня (классической политэкономии). Для представителей первого течения близки идеи «свободного рыночного хозяйства» и совершенной конкуренции. Ф. Хайек, М. Фридман, Дж. Хикс и другие полагаются на то, что невидимая рука рынка может справиться с любой задачей, поэтому роль государства сводится к функциям «ночного сторожа». Они убеждены, что именно эти принципы организации экономической деятельности в максимальной степени отвечают природе человека.

Так, Ф. Хайек ратовал за то, что единственно возможным и рациональным путем развития общества является путь, сочетающийся со стимулами частной свободы при минимальной роли государства. Он утверждал, что свобода личная и политическая не может существовать без свободы экономической. Планирование и конкуренция совместимы только в том случае, когда первое способствует второму, а не действует против. Рыночная система нуждается в разумно сконструированном и непрерывно совершенствуемом правовом механизме. Ілавное назначение законодательства заключается в охране и развитии конкуренции. Вместе с тем существуют области, в которых никакие правовые установления не могут создать условий для функционирования частной собственности и конкуренции. В этой сфере лучше всего полагаться на способность людей стихийно вырабатывать правила поведения,

7. См.: Mackay E. History of Law and Economics // Encyclopedia of Law and Economics / B. Bouckaert, G. De Geest (eds). Cheltenham, UK, 2000. P. 65—117.

юридические нормы. Никакое государство не может в данном отношении заменить их свободного выбора[8].

Представители второго течения под впечатлением рыночных коллапсов начала XX в. вынуждены были согласиться с необходимостью государственно-правового вмешательства в экономику. Весомый вклад в теорию «регулируемого капитализма» внесли Дж. Кейнс и Р. Харрод. Эти ученые выступали за подпитку эффективного спроса в форме правительственных расходов на экономические нужды и государственных инвестиций в сферы транспорта, строительства жилья, коммуникаций. При этом было бы неверно полагать, что речь шла об отказе от рыночных отношений или их свертывании. Напротив, выдвигаемые идеи были направлены на утверждение рыночных отношений. Так, Дж. Кейнс пишет: «Хотя расширение функций правительства в связи с задачей координации склонности к потреблению и побуждение инвестировать показалось бы публицисту XIX в. или современному американскому финансисту ужасающим покушением на основы индивидуализма, я, наоборот, защищаю его как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы»[9].

В данном случае, с нашей точки зрения, по вполне объективным причинам и как ответ на вызовы времени предпринимаются попытки уравновесить экономическую систему мерами государственного регулирования. В то же время первичная клетка экономики (корпорация), сбой в которой отражается на всей хозяйственной системе, пока остается за границами анализа. Однако именно несбалансированность на уровне основной хозяйственной единицы экономики производит своего рода синергетический эффект и дестабилизирует всю экономическую систему.

С определенной долей условности ко второму течению следует отнести и представителей институционализма (Т. Веблен, Дж. Коммонс, Дж. Гелбрейт)[10]. Их позиция в главном совпадает с предложениями теоретиков регулируемого капитализма, но принципы и методы регулирования несколько корректируются. В своих практических рекомендациях они склоняются не к

8. См.: Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992. С. 18—65.
9. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 455.
10. Институционализм (от лат. institutum — установление, устройство, учреждение) предполагает системный анализ процессов и явлений, называемых институтами.

государственному, а к «социальному контролю» над рыночной экономикой, где особое значение придается сделкам[11].

Эти ученые отводят решающую роль юридической стороне, указывают на примат права над экономикой. Так, Дж. Коммонс в своих исследованиях делал основной акцент на правовые факторы и упрекал классиков и маржиналистов за недостаточность анализа юридических норм. С его точки зрения, возникающие экономические противоречия можно уладить с помощью, во-первых, законодательной деятельности государства; во-вторых, сделки, т.е. юридического соглашения; в-третьих, независимого правосудия, которое, принимая решения по конкретным делам, осуществляет контроль над экономикой.

Особое внимание Коммонс уделял действующим коллективным институтам, направляющим поведение индивидов. Центральное место среди них занимают корпорации, профсоюзы и политические партии, которые выступают как «группы давления». Коммонс призывал признать за тред-юнионизмом статус законного и неотъемлемого компонента структуры зрелого промышленного общества[12]. В своих книгах «Промышленная доброжелательность» (1919) и «Промышленное управление» (1923) он развивал идею социального соглашения рабочих и предпринимателей посредством «взаимных уступок». Новый этап промышленного развития, связанный с ростом крупных корпораций, привел к «диффузии капитализма в гуще широких масс народа»[13].

Наряду с коллективными действиями другой важнейшей категорией институциональной теории Дж. Коммонса стало понятие сделки (трансакции). Ее суть вытекает из неоклассической идеи редкости ресурсов, поскольку конфликт по поводу их использования разрешается путем совершения трансакций. Без этого базового института общества коллизия интересов выродилась бы во всеобщее насилие людей друг над другом, которое привело бы к громадному экономическому и социальному ущербу. Однако трансакцию нельзя путать с «простым» обменом ресурсами, товарами или услугами. Согласно определению Дж. Коммонса, «трансакция — это не обмен товарами, а отчуждение и присвоение прав собственности и свобод, созданных обществом»[14].

11. См., напр.: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Commons J.R. Institutional Economics. N.Y., 1934.
12. Commons J. Institutional Economics. P. 634.
13. Ibid. P. 272.

Трансакционный процесс служит определению «разумной ценности», возникающей из согласия о выполнении в будущем условий контракта, главное предназначение которого состоит в том, что он играет роль «гарантии ожиданий». В своих теоретических построениях Дж. Коммонс надеялся, что в ходе коллективных действий капиталистов и рабочих постепенно будут формироваться «разумные обычаи», позволяющие усовершенствовать сами институты. В этом он видел важнейший путь к поддержанию общественного равновесия[15]. Подобные идеи нашли отражение в Акте о трудовых отношениях 1935 г. (Закон Вагнера — один из важнейших документов рузвельтовского Нового курса), закрепившем за рабочими право заключения коллективных договоров.

Итак, Дж. Коммонс сделал акцент на важности коллективных действий в рыночной экономике и распространении теории сделки на этот процесс, а также обратил внимание на «разумную ценность» и спонтанное формирование «разумных обычаев» в ходе коллективных переговоров. В данном случае вектор исследования оказался нацеленным в эпицентр взаимоотношений на микроуровене, т.е. аналитики прониклись важностью проблем первичной клетки экономики — корпорации. Выходит, что институциональная мысль от анализа рынка вообще постепенно, по логике вещей, переориентировалась на исследование вопросов взаимоотношений в отдельном субъекте хозяйствования.

Однако поиск адекватного решения какой-либо проблемы не всегда бывает прямым и гладким, чаще он полон загадочных зигзагов, поскольку проверка временем и общественной практикой новых идей вносит свои коррективы. Так, А. Верль и Г. Минз в работе «Современная корпорация и частная собственность» (1932) решили изучить структуру прав в корпорации, вероятно, подчиняясь отмеченной инерции, но несколько сместили центр тяжести от коллективных взаимодействий между капиталистами и рабочими к отношениям между собственниками и менеджерами. Проанализировав обширный статистический материал, исследователи подробно обосновали вывод, намеченный в последней книге Т. Веблена — об отделении собственности от контроля в крупных акционерных компаниях. Большинство

14. Commons J. Institutional Economics//American Economic Review. 1931. Vol. 21. P. 652.

15. См.: Commons J.R. Myself. N. Y., 1934. P. 87.

собственников превратилось в пассивных инвесторов, а реальное управление предприятиями перешло в руки менеджеров, которые могут осуществлять контроль над корпорациями в своих интересах.

Это представление, может быть, и не является единственно правильным во всех ситуациях, в действительности картина гораздо сложнее, но акцент на исследование проблем права собственности как ключевой категории во взаимодействии экономики и права имеет под собой прочную основу. Поэтому вполне объяснимо, что право собственности стало толчком для формирования целой школы под названием экономический анализ права (экономика права). Экономика права основывается на убеждении, что основная парадигма экономической науки — это теория выбора. Через призму подобного мышления каждый индивид рассматривается в качестве основного элемента анализа и предстает перед нами эгоистом, добивающимся максимальной выгоды. Использование ресурсов с какой-либо целью обязательно влечет издержки и поиск альтернатив. Так или иначе, суть рыночных отношений лучше всего раскрывает концепция равновесия[16].

Д. Фридман пишет: «Экономический анализ права подразумевает три отдельных, но взаимосвязанных элемента. Первый — это использование экономической теории в целях определения эффекта правовых норм. Второй — привлечение экономической теории для определения экономической эффективности правовых норм, чтобы выработать рекомендации по дальнейшему их использованию. Третий — применение экономической теории для того, чтобы определить, какими должны быть правовые нормы. Итак, первое связано с теорией ценообразования, второе — с экономической теорией благосостояния, третье — с теорией общественного выбора»[17].

А. Бальсевич полагает, что исторически сложились три этапа развития экономики права: позитивизм, доктринализм (с XVIII в. до начала XXв.), правовой реализм (с 1920 по 1970 г.), школа критических правовых исследований (с 1970 г. по настоящее время). Выделяют три основных подхода в теории экономики права: чикагская школа, австрийская школа, институционализм. Чикагская школа пока удерживает лидерство среди указанных

16. См.: Burrows P., Veljanovski C.G. Introduction: The Economic Approach to Law // The Legacy of Ronald Coase in Economic Analysis. 1981. Section 1.1. The Economic Approach to Law. V. 1. II. P. 344—355.

17. СМ.: The New Palgrave: A Dictionary of Economic Theory and Doctrine / J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (eds.). Macmillan, 1987. Vol. 3. P. 144.

направлений, основываясь на теории рационального выбора. Принимая продолжающуюся критику в свой адрес, ее представители уповают на то, что никакой другой подход не сможет быть столь же успешным[18].

Центральное место в экономическом анализе права занимает теория прав собственности, которая обращена к более глубокому изучению проблем экономических организаций и «трансакционной экономики». У истоков теории прав собственности стояли два известных американских экономиста — Р. Коуз и А. Алчян. Среди тех, кто активно участвовал в ее последующей разработке, можно назвать Й. Барцеля, Л. де Алесей, Г. Демсеца, М. Йенсена, Г. Еаламрези, У. Меклинга, Д. Норта, Р. Познера, С. Пейовича, О. Уильямсона, Ю. Фама, Э. Фьюруботна, С. Чена. В нашей стране проблемам экономики права также был посвящен ряд работ[19].

Р. Коуз показал, что в мире положительных трансакционных издержек распределение прав собственности играет важную роль с точки зрения эффективности распределения ресурсов[20]. После обнародования исследований Р. Коуза экономисты стали учиться быть более осторожными в анализе социальных издержек. Появилось четкое представление, что воздействие социальных издержек взаимосвязано. Причем многие проблемы, сопряженные с социальными издержками, возникают именно из-за нечеткого определения прав собственности на многие важные ресурсы. Он полагал, что совершенная рыночная конкуренция в состоянии эффективно контролировать объем наносимого ущерба, если права собственности четко определены и трансакционные издержки стремятся к нулю[21].

Обратившись к анализу давней проблемы отрицательных внешних эффектов (например, дым из трубы фабрики, вредный для живущих поблизости людей, которые не являются потребителями продукции этой фабрики), Р. Коуз впервые указал на обоюдный характер проблемы. Как неоклассик, он предложил решение проблемы внешних эффектов, исключающее непосредственное государственное вмешательство. Ученый

18. См. также: Бальсееич А. Экономика права: проблемы возникновения и история развития // Вопросы экономики. 2008. № 12. С. 60—71.

19. См., напр.: Капелюиінікое Р.И. Экономическая теория прав собственности. М., 1990; Право и экономика: традиционный взгляд и перспективы развития. М.: ГУ ВШЭ, 1999; Дикин С. Современное движение права и экономики: анализ и оценка // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 4 / Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2000. С. 178-227.

20. Mackay E. History of Law and Economics. P. 75.

21. См.: Burrows P., Veljanavski C.G. Introduction: The Economic Approach to Law. P. 344—355.

настаивал, что результат частных добровольных соглашений между фабрикой и населением объективно совпадает с «общественным благом», т.е. выбирается вариант, максимизирующий благосостояние общества в целом[22].

Итак, экономическая теория права позволяет сделать принципиально важные общие выводы относительно соотношения прав и экономики. Правовая система призвана обеспечить наиболее эффективное (в плане общественной выгоды) распределение редких ресурсов в ходе добровольных соглашений. Для этого юридические правила, как подчеркивает Р. Познер, должны имитировать идеальный рынок — распределять права собственности так, как это делал бы рынок при отсутствии экстерналий[23]. Значит, главная задача права — это спецификация прав собственности, т.е. четкое и прозрачное определение границ правомочий хозяйствующих субъектов и их защита.

Убедительные аргументы изложены в рамках экономической теории права относительно противоречивой роли государства в современном рыночном хозяйстве. Экономисты предупреждают, что правительство вряд ли станет вести себя как социальное агентство, чья единственная и главная цель состоит в том, чтобы максимизировать общественное благосостояние. Исследования теоретиков общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок и др.) показали, что политические деятели на самом деле максимизируют свои собственные цели, подчиняясь ограничениям, связанным с периодическими выборами. Поэтому издержки государственного вмешательства часто будут превышать выгоды от него. Кроме того, правительство не обладает большим знанием, чем отдельные индивиды, но все равно будет стремиться к вмешательству в хозяйственную жизнь (в том числе и под влиянием лобби) безотносительно к основному критерию эффективности — максимизации общественного блага. Произвол будет продолжаться до тех пор, пока избиратели будут позволять это[24].

22. См.: Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 1993. С. 87-141.

23. Под экстернальными эффектами понимается невозмещенный ущерб частным лицам или предприятиям за вред, причиненный им чьей-либо посторонней деятельностью. См.: Burrows P., Veljanovski C.G. Introduction: The Economic Approach to Law. P. 344—355.

24. См.: Rowley C.K The «Problem» of Social Cost // Cheng S.N.S. The Myth of Social Cost. CATO Paper No. 16. San Francisco, 1980. P. XVII—XXII; Mishan EJ. Pareto Optimality and the Law // Oxford Economic Papers. 1967. November.

Тем не менее, учитывая сказанное, а также то, что государственная собственность менее эффективна, чем частная, поскольку государственный сектор представляет собой своеобразную «экономику бюрократии», просматривается интересный парадокс: для того чтобы частнособственническая система могла эффективно развиваться, необходимо сильное государство, которое могло бы уверенно специфицировать и надежно защищать права собственности.

В то же время в данном направлении экономической мысли есть некоторые моменты, которые нас откровенно смущают. Во-первых, с точки зрения представителей экономики права, трансакционные издержки тем выше, чем более сложной является хозяйственная система. Однако, как они сами замечают, чем сложнее система, тем возможно выше ее производительность, соответственно удельный вес издержек будет иметь тенденцию к снижению. Во-вторых, создание фирмы представляется для них способом минимизации трансакционных издержек, поскольку внутри фирмы служащие общаются не как самостоятельные и равноправные участники рынка, а согласно принципам административного подчинения.

В отношении с другими экономическими агентами, т.е. вовне, фирма при заключении любых контрактов действует как одно целое — самостоятельно юридическое лицо. Этот вывод склонил представителей экономической теории права к тому, чтобы основное внимание сосредоточить на правах собственности во внешнем периметре корпорации. Но логика развертывания нашего анализа отчетливо показывает, что центральная проблема с правами собственности сидит внутри фирмы. Представляется, что многие общие выводы теории трансакционной экономики, особенно в части спецификации прав собственности экономических агентов, могут быть использованы для поиска баланса прав собственности или властных правомочий на определенный ресурс именно внутри корпорации.

Несколько нарушив хронологическую последовательность развития экономико-правовых воззрений, нельзя обойти стороной и антирыночные идеи марксизма. В этой доктрине встречается немало парадоксов, так что вопросы первичности и вторичности исследуемых категорий (которые чаще всего смакуют ученые) иногда отходят на задний план. Тем не менее, раскрывая суть материалистического понимания общественной жизни, К. Маркс писал: «В общественном производстве своей

жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще... С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»[25].

Из категоричности и однозначности данной трактовки права, конечно, не следует безусловного примата экономического базиса над правовой надстройкой, поскольку марксизм не отрицает возможности активного обратного воздействия права и относительной самостоятельности последнего. Эта характеристика подчеркивала сложную и противоречивую природу соотношения экономики и правовой надстройки, но при ведущей роли материальных производственных отношений в закономерном развитии общества и его отдельных частей. Если схематично взаимодействие экономики и правовой надстройки довольно ясно описывается как соотношение содержания и формы, то вопрос об иных внешних связях права, его взаимодействия с другими частями надстройки, с различными формами общественного сознания гораздо сложнее. В литературе утверждается, что «отношения между правом и факторами, его обусловливающими, — это не параллельные и независимые отношения, а цепь взаимосвязанных отношений, в рамках которых материальные факторы, являющиеся в конечном итоге определяющими, от ступени к ступени детерминируют элементы будущих правовых норм через посредство факторов духовных»[26].

Наряду со стройностью и гибкостью разработанной классиками марксизма- ленинизма системы, очевидны отдельные нарушения логики рассуждения и нестыковки в выводах. С одной стороны, признается существование объективных законов экономики, но в дальнейшем формационное видение социальных трансформаций приводит к заключению, что рациональное обустройство

25. Маркс К. Ккритике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. М., 1970. С. 335—336.
26. Нашиц. А, Правотворчество: Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 15.

общества преодолевает или вытесняет с исторической арены их стихийный характер. Другое недоразумение сводится к тому, что весьма глубокое понимание логики отношений, складывающихся на базовом уровне экономики (теория прибавочной стоимости), толкает марксистов к довольно радикальному решению. Они полагают, что проблема эксплуатации человека человеком будет снята, если упразднить частную собственность. С одной стороны, нельзя отрицать логичность их рассуждений, но в то же время, если смотреть глубже, непонятно, почему они смогли увидеть в собственности только отрицательный эффект и решили «выплеснуть» вместе с ним ее огромный позитивный потенциал.

Осмысливая в совокупности положения марксизма и теории экономики права, думается, что и те и другие приблизились к некоторой критической точке в проблеме соотношения экономики и права. Сопоставляя взгляды этих школ, пожалуй, основное различие между ними можно усмотреть в том, что марксисты не видели перспектив в рыночном устройстве национального хозяйства, предлагали заменить его рациональной системой планирования социальных процессов и ликвидировать частную собственность. Представители экономики права, напротив, пытались сохранить и усовершенствовать рыночную экономику и апеллировали к частной собственности. Тем не менее, хотя каждая школа пыталась выстроить собственную систему координат, все же они шли в одном направлении, поскольку в качестве ключевой проблемы для тех и других так или иначе была собственность. Действительно, это самое больное место в рыночной экономике, но ни в коем случае не принижающее достоинства рынка.

Рассмотрев проблемы соотношения экономики и права через призму экономического анализа, остается нанести последний штрих — исследовать данный тандем с юридической точки зрения. Здесь можно обнаружить, что юриспруденции не свойственна столь прямолинейная постановка вопроса, т.е. ее не особенно волнуют именно проблемы соотношения права и экономики. Для правоведов ближе вопросы нормирования общественных отношений вообще. На то есть две серьезные причины. Первая — обозначенная проблема для многих специалистов уже однажды и навсегда решена (например, в теории марксизма), и к ней нет смысла возвращаться. Вторая (более весомая) указывает на то, что разработанные юриспруденцией общие принципы и подходы имеют продолжение и в данной точке приложения, поскольку во

многом перекликаются и не выходят за рамки понимания права как такового, а также его методологического арсенала. Кстати, это явно бросается в глаза при знакомстве с соответствующими работами, даже при условии, если заявлена характерно узкая тема изучения. В настоящем исследовании анализ природы права проводился в контексте проблемы соотношения права и экономики. Конечно, достоверность изложенных выводов и представлений подтвердят только время и практика, но, тем не менее, в завершении исследования есть шанс еще раз проверить их на прочность, подвергнув обстрелу тяжелой артиллерией контраргументов.

Правда, предварительно придется провести границу между выводами о праве вообще и анализом имеющихся, но не столь многочисленных взглядов на соотношение права и экономики как таковое. Поскольку юриспруденция сформировалась как самостоятельная отрасль теории и практики гораздо раньше экономики, еще в Древнем Риме, поэтому какие-либо соображения о соотношении права и экономики обычно вытекали из взглядов о взаимосвязи позитивного и естественного права. Именно в естественном праве еще в древности едва различимо просматриваются хозяйственный подтекст и зачатки экономического мышления. Через полторы тысячи лет, в Новое время, классики политэкономии, подчиняясь объективной тенденции, инициируют процесс выделения экономики в самостоятельную область исследования. Дальнейшее усвоение проблем взаимодействия правовой и экономической систем вполне логично сосредоточилось в лоне политэкономии. Поэтому западноевропейские ученые, понимая значимость вопросов взаимодействия анализируемых категорий, педантично изучают их с позиции экономики, что и было обнаружено в нашем экономическом анализе.

Ориентация политэкономии на объективные закономерности укрепляла ее статус как глубокой и точной науки. Соответственно назначение «прародителя» экономики — права — подспудно сводилось к тому, чтобы обслуживать свое «чадо». К тому же в отличие от юриспруденции у политэкономии более тесные связи с естествознанием, что придавало и придает ей еще большую научность и динамичность. Напротив, право имеет склонность к консерватизму, для юристов характерно стремление ограничиться рамками правовых норм. Недаром нормативизм оказался очень влиятельным течением и в нашей стране. Это диктуется инструментальной функцией права и тем,

что правоведы ассоциируют его с авторитетом и властью государства, санкционирующего правовые нормы.

В то же время весьма специфичная конъюнктура сложилась в советской юридической науке первой волны. Она была буквально пропитана экономизмом, ощущается колоссальное влияние догматов марксизма-ленинизма. Безусловно, роковую роль во всей конфигурации юридической мысли сыграло определение права в «Манифесте Коммунистической партии», где сказано: «Право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»[27]. В данной дефиниции просматривается фатальная зависимость права от экономики. В то же время статус права немного поднимается, когда классики говорят, что из всей надстройки именно право представляет собой такой элемент, который ближе всего находится к экономическому базису[28].

Кроме того, используемое в этой формуле понятие воли, во взаимосвязи с другими терминами, деформирует привычное представление о данной категории. Как известно, указанный термин получил развитие в естественно-правовой доктрине. Для современников обычно понятие воли вмещает в себя два взаимосвязанных представления. Во-первых, это концентрация общей воли политического центра в форме нормативного акта, в котором отражаются требования объективных закономерностей. Во-вторых, это волевые поступки индивидуумов как реакция на указанные правовые предписания. Вопреки этим рассуждениям в определении права, закрепленном в Манифесте, доминируют волевые поступки. В другом месте классики марксизма не изменяют своей позиции и отмечают, что юридическое отношение, формой которого является договор — все равно, закреплен ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением[29].

Все-таки гибкость изложения не дает скрыть то, что в этих суждениях превалирует экономический мотив (материальный интерес) волевых поступков людей. По сути, отодвигается на второй план фундаментальное условие экономики — объективные закономерности. В итоге получается, что

27. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1970. С. 122.
28. См.: Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 310.
29. См.: Там же. Т. 23. С. 94.

экономический эгоизм подминает под себя экономические законы. Вроде бы ясно, что хотят сказать классики марксизма, но также нельзя освободиться от ощущения, что идет некая подмена понятий и что-то перевернуто с ног на голову. Разумеется, реальная практика социализма отреагировала на этот тезис вполне адекватно, т.е. была сведена к элементарному волюнтаризму. Так, В.П. Шкредов пишет, что «вопреки принципу независимости экономических законов как объективных по своему характеру от воли людей, отправным пунктом объяснения экономических явлений социалистического общества становились волевые отношения, сознательная, целенаправленная деятельность единого экономического центра по организации всего общественного производства в форме плана, распространяющегося на основные процессы развития народного хозяйства»[30].

Отмеченные концептуальные аспекты стали основой для соответствующих понятий в советской юридической науке и определили на протяжении многих десятилетий принципиальные подходы к проблеме соотношения экономики и права. Поэтому не удивительно, что в истории советской юриспруденции отрицание права и всесилие экономического детерминизма сменяется диктатурой закона. Если в теории имеет место двусмысленность или неясность, то это и становится своего рода западней, даже для тех, кто, искренне заблуждаясь, решил ей следовать. Однако и эластичность формул, и жизненная сила экономизма не уберегли советскую систему от фатального исхода. Но в то же время, хоть и не надолго, это дало возможность расширить представление о праве настолько, что оно стало вмещать и экономику, и иные общественные отношения. Это снова возвращает нас к тем самым, невероятно живучим, идеям естественного права, которое в единстве с позитивным образует право как таковое. Данный подтекст можно увидеть в следующих размышлениях. Так, П.И. Стучка полагает, что право представляет собой форму, в частности, формальное опосредствование экономики как содержания. С его точки зрения, юридическая система разделяется на содержание — общественные отношения — и на форму их урегулирования, поддержки или охраны, куда относятся государственная власть, законы и т.д.[31]

30. См.: Шкредов В.П. Экономика и право: Опыт экономико-юридического исследования общественного производства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990.

31. См.: Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 52, 296.

Следовательно, П.И. Стучка, анализируя право как порядок реальных общественных отношений, намерен выйти за пределы традиционной юридической науки, считающей своей задачей изучение собственно правовых явлений. Выход за границы чисто юридических институтов абсолютно необходим, поскольку в противном случае можно остаться в плену своих абстрактных логических конструкций, порой не соответствующих реальной действительности. Такой же выход за указанные пределы в поисках действительного содержания правовой формы был осуществлен Е.Б. Пашуканисом[32].

Все это говорит о том, что изучать право требуется в самих общественных отношениях, образующих живую ткань социального организма. То же самое, видимо, хотел сказать И. Карнер, полагая, что настоящая наука о праве начинается там, где кончается юриспруденция[33].

Кстати, несмотря на то что все эти ученые были искренними сторонниками марксизма, именно двусмысленность и гибкость его формул (нет худа без добра!) невзначай помогли им заглянуть в самую суть вещей.

Если обратиться к современным исследованиям проблем соотношения экономики и права (в условиях обустройства рыночной экономики), то опять всплывает интересный парадокс. Так, А.В. Петров отмечает, что во многих современных исследованиях марксистские подходы прямо не отстаиваются, но и взамен ничего нового не предлагается. Поэтому сама проблема, если она вообще выделяется, предстает в достаточно размытом, четко не зафиксированном виде[34].

Действительно, марксизм глубоко укоренился в сознании отечественных ученых. Этому способствовала мощная пропагандистская машина, да и на его наследии было воспитано не просто несколько поколений ученых, а целое общество. Причем надо признать, что методология и научная картина мира марксизма опирались на глубокие исследования в области гуманитарных наук, и предлагалось динамичное, целостное и системное видение действительности. Однако это не оправдывает замкнутость рамками застывших идей. Сам К. Маркс не раз в своих работах предостерегал от заблуждения

32. См.: Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987. С. 32.

33. См.: Карнер И. Социальные функции права. М.; Пг., 1923. С. 11.

34. См.: Петров А.В. Экономика и право (к проблеме соотношения) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Право». 1998. Вып. 1. URL: http://www.unn.ru/rus/books/stat3.htm (дата обращения: 12.03.2010).

возводить его постулаты в ранг абсолютных и окончательных истин. Каждый последующий этап общественного развития требует отражения в науке более точной картины действительности. Поэтому только расширение горизонтов исследования и усовершенствование его методологии позволит преодолеть ошибки и провалы марксизма и других «измов», выявленные общественной практикой. В то же время пусть даже без неудачного опыта и ошибочных идей вряд ли возможно глубоко познать природу общественных отношений. Да и было бы нелепо отвергать те положения, которые выдержали испытание временем.

Правда, для современных авторов характерно стремление не отождествлять свои взгляды с марксизмом. Так, А.А. Ларин пишет, что в отличие от классиков марксизма он ни в коем случае не пытается доказать исключительное значение экономических факторов в формировании права или поведения индивидов. Экономические факторы воздействуют на право наряду с другими[35]. Т.Р. Орехова отмечает, что зависимость права от экономики, от господствующих в обществе производственных отношений, согласно положениям марксизма, привела к обеднению в определенном смысле понимания и значения права в жизни общества. Она полагает, что характер и формы взаимодействия права и экономики обусловливаются различными факторами, эти феномены не просто соотносятся, а взаимодействуют, взаимовлияют друг на друга. Известно множество подходов к классификации социальных систем в истории развития человечества. Однако при анализе проблем соотношения права и экономики в различных социальных системах целесообразно идти по пути их классификации и исследования в зависимости от развития или отсутствия в социуме структур рыночной экономики[36].

Ни Т.Р. Орехова, ни А.А. Ларин не возражают против важности экономического фактора в возникновении права. Для них также характерно понимание данного соотношения через призму роли экономики в генезисе права, т.е. экономические отношения рассматриваются как социальный источник возникновения, существования и развития права. В этом прослеживается некоторое сходство указанных авторов с воззрениями В.М. Ведяхина и С.Н. Ревиной[37].

35. См.: Ларин А.А. Роль экономических факторов в развитии права: автореф. дне... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 13—14.

36. См.: Орехова Т.Р. Соотношение прана и экономики (Общетеоретические аспекты): автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1999.

Нужно отметить, что Т.Р. Орехова, А.А. Ларин, окунувшись в бездну экономических идей и проблем, действительно предпринимают попытку выйти за пределы права, «где начинается настоящая юридическая наука». Через их творчество юриспруденция обогатилась присущими экономике понятиями, терминами и категориями, такими как «ожидание» (индивида, группы лиц, общества, государства), «доверие» (экономических агентов друг к другу, к государству и наоборот), «альтернативная стоимость», «общественный выбор»[38] и многие другие.

В работах В.М. Ведяхина, С.Н. Ревиной, Т.Р. Ореховой и АА Ларина вновь исследуются проблемы специфического юридического отражения экономических законов в правовых нормах, которые поднималась в литературе неоднократно и ранее[39].

Несколько своеобразный взгляд на обозначенную проблему излагает АВ. Петров. Он полагает, что все явления человеческой жизни в равной степени содержат духовное начало, т.е. имеют единый источник — человеческий дух; соответственно ни одна часть духа не должна быть определяющей по отношению к другой; они взаимно дополняют и обогащают друг друга. Предшествующая история развития человечества была историей его выделения из природы, овладения ею, и в связи с этим экономические интересы и потребности являлись определяющими, ведущими в жизни общества. На современном этапе, с точки зрения автора, экономические потребности по мере развития материального производства постепенно отходят на второй план, приобретают роль некой уже в принципе решенной для духа задачи. Это не означает, что экономика и ее развитие вообще перестают быть значимыми для человечества, или что для каждого конкретного народа экономические проблемы полностью решены. Но экономика никогда, по сути, не была первичной, определяющей по отношению ко всем остальным сферам общественной жизни, и право не может рассматриваться как явление, даже в итоге определяемое экономикой. Право и экономика, политика и религия, идеология и наука — каждое само по себе, а не через посредство иного, имеет источником духовное начало[40].

37. См.: Ведяхин В.М., Ревина С.Н. Принципы правого регулирования рыночных отношений. Самара, 2005.

38. См.: Орехова Т.Р. Указ. соч.

39. См., напр.: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 138; Государство, право, экономика / отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1970. С. 72—73; Шкредов В.П. Указ. соч.

40. См.: Петров А.В. Указ. соч.

Таким образом, автор высказывает сомнение, что экономические отношения являются базисными, определяющими по отношению к другим сферам человеческой жизни. Тем самым он отвергает положение марксизма, что содержание любого человеческого интереса в конечном счете определяет материальный, экономический мотив. Соответственно право с этих позиций не порождается экономическими потребностями и не существует прежде всего для их обслуживания. На наш взгляд, даже учитывая огромный прогресс, который сделало человечество в развитии технологий и удовлетворении материальных нужд, экономические потребности все еще остаются наиболее значимыми и доминирующими. Если исходить из реалий жизни, когда миллионы людей в мире продолжают жить за чертой бедности и многие голодают, а природные ресурсы катастрофически истощаются, то и в перспективе значение экономки вряд ли будет умаляться, скорее, наоборот.

С нашей точки зрения, рациональное зерно в представленном взгляде заключается в том, что поскольку все явления человеческой жизни в равной степени в качестве общей фундаментальной основы содержат духовное начало, то выстраивается некий паритет между экономикой и правом, т.е. право подтягивается до уровня экономики. В то же время при проекции через призму духа между ними прослеживается существенное отличие. Экономика как система хозяйственных отношений, с одной стороны, испытывает влияние законов, а с другой — эластична к человеческому эгоизму, который в идеале должен быть обуздан правом. При этом экономические законы носят объективный характер, не зависят от воли и сознания человека, но действуют ему во благо, поскольку со своей стороны призваны сократить издержки несовершенства человека. Право формируется и существует в результате волевой деятельности человека. С одной стороны, оно само представляет собой волеустановленное образование, и поэтому здесь неизбежны отклонения от требований объективных законов. С другой стороны, право воздействует на волю людей, которые также не всегда послушны его предписаниям.

Если приложить эти суждения к идее к А.В. Петрова, то получается, что к духовной сфере следует отнести только право. Ведь в сравнении с правом (так или иначе продуктом сознания и воли человека) экономика — это не чисто духовная сфера, здесь окончательное слово за экономическими законами. Другими

словами, в производственные отношения вступают одухотворенные и относительно свободные в выборе поведения люди, но их хозяйственные отношения в известное время корректируются объективными законами, не подвластными человеку.

В результате анализа соотношения права и экономики с использованием синергетического, феноменологического и антропологического подходов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, очевидно, что с поступательным развитием общества актуальность исследования этой проблемы будет только возрастать, и она всегда будет предметом острой дискуссии, потому что все еще не найдена оптимальная формула соотношения права и экономики. Исторический анализ показал, что в каждой стране взаимодействие права и экономики имеет свою особую специфику из-за различий в религии, культуре, моральных ценностях, укладе жизни, но за отмеченным многообразием скрывается нечто общее и важное для любых общественных систем. Таковым является обеспечение достойного уровня жизни человека, рост благосостояния всего общества.

Во-вторых, природе человека и общества в наибольшей степени свойствен свободный рыночный обмен продуктами труда, поскольку с ним связаны представления человека о равенстве и свободе. Обменные отношения, возникшие вследствие разделения труда и специализации, отвечают основному принципу экономики — эквивалентности. Разделение труда в сочетании с конкуренцией выступают в качестве двигателей общественного прогресса, поскольку состязание между фирмами ориентирует их хозяйственную деятельность на потребителя, максимизирует эффективность производства и рост общественного благосостояния. Практика внедрения директивной экономики показала от обратного, что правовое регулирование не должно заходить дальше рамочных условий реализации экономической инициативы (равенство стартовых возможностей), установления и охраны прав собственности, добросовестной конкуренции и других общих начал функционирования рынков, юридического оформления взвешенной фискальной политики. Глубина и точность правового регулирования экономических отношений должны корреспондировать автоматическому установлению экономического равновесия как внутренне присущему экономике закону. При таком положении дел экономика

исподволь стремится (под воздействием внутренних сил) к равновесию, а задача права состоит в том, чтобы содействовать установлению экономического баланса на макроуровне и микроуровне. Значит, право должно стараться структурировать экономику исходя из присущих последней объективных закономерностей.

В-третьих, довольно сложная структура взаимосвязи экономики и права обусловлена главными детерминантами той и другой категории. В экономике фундаментальная роль принадлежит объективным законам, в праве — общей воле граждан в лице государства. Лучше всего характер взаимодействия может быть представлен через иерархию сущностей. По нашему мнению, экономика есть сущность права, а сущность экономики — это равновесие либо (что то же самое) справедливость. Другими словами, сущностью экономики, т.е. сущностью второго порядка права, является баланс равенства и свободы, который может быть представлен в виде наложения двух равновесий, устанавливающихся одновременно на рынке — эквивалентный и свободный обмен между хозяйствующими субъектами (1) и баланс прав собственности непосредственно в корпорации (2).

В-четвертых, для эффективного взаимодействия экономики и права необходимо соблюдать принцип, согласно которому законодательство не диктует фактические действия участникам той или иной коллизии, а лишь фиксирует подкрепленные законом права участников, оставляя им возможность искать договоренности на основе признания этих прав. Все это вместе взятое обеспечивает экономический рост и социальную справедливость, т.е. максимизирует благосостояние общества[41]. Роль права как регулятора минимизируется при условии, если права собственников точно специфицированы, и его авторитет как охранителя высок в глазах гражданского общества. Для этого необходимо, чтобы нормы-регуляторы вырабатывались на основе комплексного экономического анализа принизывающего все отрасли права. С точки зрения Р. Познера, «экономическая наука является мощным инструментом анализа широкого круга правовых вопросов»[42].

В-пятых, экономисты пытаются отойти от привычных соображений по поводу справедливости, обсуждая вместо этого

41. См.: Познер Р. Экономический анализ права. СПб., 2004. С. 33.
42. См.: Там же. С. 3; Duxbury N. Patterns of American Jurisprudence. Oxford, 1995. P. 314.

проблемы эффективности. Они утверждают, что при оценке того или иного закона следует обращать внимание не на то, как он будет действовать в отдельных случаях, а на то, как он повлияет на поведение людей, знающих законы и рационально планирующих свои действия. Однако, на наш взгляд, категории эффективности и справедливости прочно взаимосвязаны друг с другом. Поэтому тезис, что экономический анализ обнаруживает убедительные аргументы для обоснования правовых норм исходя из соображений эффективности и вроде бы в противовес справедливости, является неверным. Безусловно, что экономический анализ права уделяет внимание тем фактам сложных взаимоотношений, которые не могут быть замечены другими аналитиками. Экономический подход помимо глубины анализа и точности обеспечивает также единство отдельных отраслей права, которое часто отсутствует в традиционном правовом анализе.